

ЮРИЙ ХОБА

ЗЕЛЁНЫЕ СЕРДЕЧКИ

РАССКАЗ

Гору Пеструшку, втиснутую крутым боком в лесное озерцо, лесник Зинаида считает полным собранием сочинений природы Дикого поля. Особенно ярко иллюстрированы весенние страницы. Костерки адониса догорают по соседству с крошечными омутами полевых фиалок, рябенькие ирисы цветут в обнимку с тюльпанами Шренка, а зелёные сердечки пастушьей сумки обещают исцеление зверю и человеку.

Всё это буйство внешней палитры заключено в овальную раму ковыля Лессинга, растения, которое рождается и умирает седым.

Внизу, под торчащими из крутого бока Пеструшки гранитными клычками, ветерок-бродяга теревит лохмы прибрежных ив и лепестки разложенного рыбаками костерка.

Венчает гору дощатая хибарка с окошком чуть поболее носового платка. В нём отражаются омуты фиалок, загровки толком не вылинявших холмов, крыши лесного кордона и лёгкое, как подвенечная фата, облачко.

Желтобрюхому полозу на общей фотографии не нашлось местечка. А всё потому, что двухметровый громила большую часть времени проводит под хибаркой.

Несмотря на скромные размеры, венчающее Пеструшку дощатое сооружение имеет громкий титул — противопожарный пост, а состоящая при нём Зинаида исполняет роль смотрителя за Ясeneвым, Дальним и ещё десятком более мелких лесных урочищ.

— Выше тебя только Бог, — однажды заявил тракторист Вовик Шалапута. — Но зато у него нет мобильника и такого роскошного бинокля.

Бинокль у смотрящей действительно шикарный. Невесть каким путём попавший на сушу с мостика круизного лайнера.

Высоко сидит Зинаида, далеко глядит. Не скрыться ни браконьеру, ни моторизированной парочке, которая для любовных утех выбрала запретную

зону. Один звонок инженеру по защите леса, и патрульный вездеход козликом поскакал по указанному адресу.

Годится морская оптика и в качестве предмета устрашения. Позавчера пришёлся на пожарный пост Вовик. В одной руке — торба с трёхлитровой банкой вина, в другой — затисканный до полусмерти букет тюльпанов Шренка.

— Принимай, Фиалка, гостя!

— А биноклем между глаз не желаешь? — пригрозила без злобы. Нутром понимала, что восхождение совершено не только ради неё, разведёнки с глазами цвета фиалковых омутов. Мужик во хмелю — вроде дитяти малого, которое от избытка чувств готово вскарабкаться куда угодно. Лишь бы к облакам поближе.

Вовик, конечно, не тот гость, ради которого безоглядно боевой пост бросают. То подерётся, то по пьяни трактор на лесосеке потеряет. Звонит потом Зинаида:

— Фиалка, глянь-посмотри, где конь мой железный пасётся...

Но камня за пазухой не носит. Можно не проверять. Ватник, а также рубаха под ним всегда нараспашку. И не обидчив. Вот и сейчас Вовик сделал вид, будто кому другому пригрозили тяжеленным биноклем. Оседлал торчащий из крутого склона каменный клык, банку с вином баюкает. Того и гляди, уронит рыбакам на головы.

А те, заприметив сокровище, манят Вовика в гости:

— Спускайся, уха на подходе.

— Не, лучше вы сюда ползите. Отсюда полмира видать.

Зинаида надоело слушать хмельные препирательства. Проверила все четыре стороны света: нет ли где дымков? Заодно предупредила рыбаков, чтобы с огнём держали себя поаккуратнее, и ушла в хибарку, которую называла не иначе, как “музыкальной шкатулкой”.

Рассохшиеся половицы — вроде клавишей рояля, сквозняки на трубе буржуйки сольные концерты дают, топчан — похлеще камертона: на каждое телодвижение откликается.

Но едва туфелька ответственной смотрящей коснулась крайней клавиши, как за стенами послышался шум и удаляющаяся мать-перемать. Зинаида одним махом выскочила из “музыкальной шкатулки” и опешила. Каменный клык был пуст. Слово никто и не баюкал на нём трёхлитровую банку. Зато снизу неслась всё та же мать-перемать, да кто-то невидимый отсюда требовал вызвать “скорую”.

Пачкая ладони о зелёное вино толком не оперившегося чабреца, Зинаида осторожно добралась до каменного клыка и взглянула на суетящихся внизу мужиков:

— Этот шалапут хоть жив-то?

— А что мне делается, — ответил Вовик. — Морду чуток покарябал, колено снёс. — Зато вот, — потряс над головой трёхлитровчиком. — Семьдесят семь кувырков сделал, а добро сберёг.

— Медаль себе прицепи, — рассердилась Зинаида. — Сам чуть не угробился, народ взбулгачил... Иди, проспись... Тебе же на послезавтра наряд — противопожарные полосы в излучине освежить плугом.

Но Вовик сделал вид, что сказанное никакого касательства к нему не имеет. Да и занят был. Наливал вино в подставляемые рыбаками кружки так же, как и жил. Щедро, с перехлёстом.

Утром третьего дня Зинаида вновь заступила на пост. Вообще-то ей полагалось два полноценных отгула, однако сменщице — мастеру леса Любаше — приспичило рожать, а у егеря Парфёновича нашлись безотлагательные дела в урочище Дальнем.

Перед восхождением Зинаида наполнила термос из родника у подножья Пеструшки, попила с горсти студёной, как морозная ночь, воды и, покорно вздохнув, ступила на ведущую к “музыкальной шкатулке” тропу, которая всем своим видом свидетельствовала, что любая кривая короче прямой.

А ещё брошенная в созвездия рябеньких присов и пастушьей сумки тропа предостерегала от спешки. Раза два или три, опаздывая на пост, Зинаида пыталась совершить восхождение в ускоренном темпе. Однако ещё на полпути убеждалась, что дорогу под облака способен осилить лишь тот, кто свои желания соизмеряет с возможностями.

И потом, от быстрой ходьбы обитающий среди цветущих фиалок ветерок почему-то начинает горчить. Будто и не медовый настой трав попадает в лёгкие, а отгоревший пепел.

Ещё раз, теперь уже с ноткой раздражения, Зинаида вздохнула на маковке Пеструшки. Дежуривший вчера хромоногий Парфёнович, или, как его на свой лад именovala мастер леса Любаша, Паслёныч, в вахтенном журнале расписаться забыл. И, конечно же, дверь оставил незапертой. Видно, понадеялся на желтобрюхого полоза, который при появлении Зинаиды вальяжно уполз под хибарку.

Брезгливо морщась, вытряхнула из консервной банки в полиэтиленовый пакет жёваные окурки, пучком расторопши смахнула пепел с половиц и лишь после этого приступила к исполнению служебных обязанностей. В линзах морского бинокля проплыли загривки холмов, островок байрачного леса, где обиженной сучонкой скулила бензопила, доверившийся речной излучине молодой сосняк и ползающий вдоль опушки трактор. Урочище Дальнее рассматривала внимательнее обычного, пытаясь выяснить, что именно сигнало с лёжки дикую свинку со сворой поросят, напоминающих колорадских жуков.

Егерь, учитывая хромоту, едва ли успел спозаранку осилить восемь километров. И потом, засыпавший сигаретным пеплом клавиши “музыкальной шкатулки” Паслёныч был крайне деликатен со зверем и малой птахой. Идёт, словно и не человек — хромоногая тень от облачка ползёт лесной визиркой.

И таки разглядела вторгшихся чужаков. Крытые брезентом грузовики, похожие на большие коробки из-под обуви, машины неизвестного Зинаиде предназначения и перебежавшие в зарослях бересклета человеческие фигурки.

Набрала номер мобильника инженера по защите леса, которого подчинённые за глаза именovali “Вельмишелевым супчиком”, а когда тот после третьего гудка отозвался, доложила:

— В Дальнем гости. Похоже, военные... Говорите, вечером через лесхоз их целая колонна прошла?.. Нет, впервые слышу... Хорошо, свяжусь с егерем. Он ещё позавчера туда собирался, попрошу разобраться...

Позвонить егерю не успела. Из кустов бересклета выметнулись огненные стрелы и, затмевая своим ревом скулящую бензопилу, ушли за оком. Как показалось Зинаиде, застигнутые врасплох загривки холмов ещё больше ошетинились колочей порослью.

А Дальнее продолжало клокотать погибельным варевом. Словно там, рядом с покинутой лёжкой диких поросят, наружу вырвались фонтаны раскалённой магмы. И пыльное облако встало вровень с Пеструшкой.

А ещё Зинаида увидела, как одна стрела отделилась от общей стаи. Подстреленной утицей она шлёпнулась посреди молодого бора, вокруг которого железный конь Вовика Шалапуты исправно нарезал круги.

Набрав, теперь уже с пятой попытки, телефон Вельмишелевого супчика, Зинаида прокричала в трубку:

— Горит за холмами и сосняк в излучине!

— И что тепель? Война, похоже, началась. А я — инженер, не Господь Бог...

— Но пожарку-то прислать можете?

— Какой идиот в пекло ползет? Нет ни одной души на мехдволе... Тут ведь тоже стлеляют. Не только у вас. Послушай, Зинаида, у тебя же Шалапута под лукой. Пликажи...

— Он и без наших приказов на амбразуру кидается. Вижу, пытается отрезать очаг от остальных насаждений. Но его же подстраховать надобно!

— Кем? Налод, повтоляю, в щели забился. Ты тоже мотай оттудова. Чего доблого, за коллективовщика плимут...

— Знаешь, что, заботливый наш? Иди туда, откуда на свет вылез. И больше не появляйся. Ты не только не Бог, а и не мужик даже!

Наверное, добавила бы ещё парочку слов покрепче, однако урочище Дальнее вновь заклокотало. На этот раз от встречных залпов. Что-то детонировало, скорее всего, грузовик с боеприпасами, другие попытались уползти прочь, но их тоже поглотила разбухшая взрывчаткой пыль.

Зато рядами стоявшие в речной излучине дымы сделались ниже ростом. Видно, Шалапута не жалел железного коня. В бинокль Зинаида видела, как вокруг упавшей посреди бора ракеты ширилась полоска свежеспаханной земли. Зинаида набрала номер мобильного телефона Вовика ещё четверть часа назад, однако кнопку вызова не трогала. Последнее дело звонить человеку, который в одиночку бьётся со Змеем Горынычем. Если и услышит сигнал вызова, всё равно не отзовётся.

Нажала кнопку лишь, когда испачканный копотью трактор поволок пыльный шлейф по направлению к лесному кордону.

— Фиалка, — заорало в трубке, — взрывной волной ещё не смахнуло с Пеструшки? Ну, так тебе и надо!.. Вижу, что Дальнее полыхает... Только солярка на исходе... Заправлюсь, отцеплю от плуга эту бандуру... видишь, как пыль вздымает... и бегом туда!

— Какую бандуру?

— Ракету тросом зацепил... Теперь волоку на базу.

— На кой ляд она тебе?

— Глухая ты, Фиалка. В ней же почти сотня кил цветмета! Неделю гулять можно...

— На Дальнее Паслёныч с утра похромал. Как бы не случилось с ним чего...

— Замётано. А где пожарка, где Вельмишелевый супчик, чёрт его подери?

— По норкам попрятались.

— Тебе тоже не повредило бы. Ладно, доеду до места, сообщу обстановку. А ты посматривай. Чтобы знала, где искать головешку по фамилии Шалапута.

— Типун тебе на язык. Но... будь осторожен. Рискуй, да оглядывайся.

О себе почему-то не думалось. Стояла на маковке Пеструшки, которую со всех четырёх сторон света обступили смерчи дымов. Они так едко пахли погibelью, что заворочался дремавший под хибаркой желтобрюхий полоз, а в уголках глаз Зинаиды вскипели фиолетовые слёзы.

Они окропили висевший на груди морской бинокль, догорающий под ногами костерок адониса и пастушью сумку, чьи зелёные сердечки сулят исцеление, но не спасают от внезапно нагрянувшей беды.